

«Курдский переворот» Эрдогана

Геворг Петросян, Тюрколог

Вечером 3 ноября 2016 года (в Турции уже 4 ноября) мы находились в Курдском культурном центре в Чикаго, когда появилась информация об аресте лидеров курдской/прокурдской Демократической партии народов (ДПН) Турции.

Стало ли это неожиданностью, сюрпризом? Думаю, те, кто отслеживают повестку в Турции, согласятся с тем, что это никого не должно было удивить. Собравшиеся в Курдском центре Чикаго, часть которых, подобно мне, принимала участие в международной конференции по курдской политике Турции, который проводился университетом Нортвестерн также были не особенно удивлены. Собравшиеся в Центре курды, возможно, были несколько напряжены, разгневаны, но разворачивавшиеся по ту сторону океана события не казались им неожиданными.

Турция и прежде имела подобный опыт, причем, довольно богатый, когда турецкие власти нейтрализовали курдские силы и политиков, не уместившихся в рамках их политики. Расстановка сил в Турции за последний год предполагала проецирование этой тактики на ДПН, и вопрос был только в сроках и методах. Ответ уже получен – спустя примерно год после парламентских выборов арестованы деятели партии, в том числе, два ее лидера – Селаххеттин Демирташ и Фиген Юксекдаг. За арестами последовал взрыв в общественно-политическом курдском центре Турции – Диарбекире, неподалеку от полицейского участка. Это был уже курдский ответ Анкаре.

Арест курдских политических лидеров нельзя назвать оперативным решением турецких властей, это часть процесса, причем, продолжающегося, началом которого можно счесть 1980-е, когда Рабочая партия Курдистана (РКК) объявила вооруженную борьбу против турецкого государства, или 1920-е, когда курды восстали против власти

Мустафы Кемалю, а может, и раньше – с османского периода. Сроки и фазы можно обсуждать долго, классифицировать их, но данный процесс, или иначе – Курдский вопрос десятилетиями был важнейшей проблемой Турции, и с этим трудно спорить. И то, что решение этого вопроса в Турции как в 20-х, 80-х годах прошлого века, так и в наши дни, видят в применении силы и насилия, является основным показателем этого процесса. События, которые происходят в последние годы в Ираке и Сирии, еще больше усугубили Курдский вопрос, который вступил в активную реакцию с внутренними процессами в турецком государстве. Это также привело к обостренным проявлениям.

Кстати, что касается этапов Курдского вопроса, то на фоне последних событий можно определить новый этап курдско-турецкого процесса, который, по моему убеждению, начался в 2013 году, когда власти Турции, во главе с в то время премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом приступили, в рамках «курдской инициативы», к «процессу урегулирования (турецко-курдского)», в ходе которого был заключен мир с РКК, а курдским силам была предоставлена возможность самоорганизоваться в общественно-политическом пространстве и, что важно, добиться успехов на этом поприще. В итоге курдам (а также, в меньшем масштабе, другим группам и этническим меньшинствам в Турции, в том числе армянам и даже этническим туркам), после долгих попыток удалось-таки сформировать консолидированную и конкурентоспособную политическую команду, которая в 78-миллионной Турции получила 5-6 млн. избирателей, 59 мест в парламенте, и на данный момент является в турецком межлисе третьей по численности силой. Правда, вместе с тем в рамках «турецкого пакета» ДПН получила также настроенные против нее власти и государственный аппарат, который и был пущен в дело во время ноябрьских арестов.

Забегая вперед, скажем, что успехи на политическом фронте привели к тому, что в июле 2015 года Турция вновь вернулась к насильственной или более жесткой борьбе с курдскими силами.

«Курдская инициатива» породила надежды в среде курдов и уставших от Курдского вопроса и требующих решения других граждан Турции, однако, данная инициатива Эрдогана, как показало время, ударила именно по ним. Ударил во время майских выборов 2015 года, на которых, пользуясь затишьем, ряд курдских политиков, опираясь на базу партии Мира и демократии, выстроили новую политическую силу, которая вывела Курдский вопрос на качественно новый уровень: впервые по пропорциональным спискам в турецкий парламент прошла курдская политическая сила, получив 80 мандатов и, по большому счету, лишив партию «Справедливости и развития» Эрдогана возможности сформировать правительство без коалиции с другими силами.

Таким образом, помимо военной деятельности РКК, курды получили возможность более активной политической деятельности, что было беспрецедентно с точки зрения Курдского вопроса в Турции. Это важный процесс, который за громкой деятельностью РКК для многих отошел на второй план, однако в Анкаре осознавали всю серьезность процесса, что и проявлялось в своеобразных методах борьбы и резких шагах против ДПН.

Возвращаясь к конфронтации ДПН-Эрдоган, напомним, что на выборах 7 июня 2015 года впервые в Турции курдская/прокурдская сила прошла в парламент по пропорциональным спискам, получив 80 из 550 депутатских мест и нарушив сложившийся в последние годы в турецком межлисе баланс, который составляли три силы – ПСР Эрдогана, оппозиционно-кемалистская Республиканско-народная партия и партия «Националистическое движение». Вхождение курдов в парламент сразу же ударило по ПСР, которая с 258 депутатами оказалась не способной сформировать однопартийное правительство. Мир или однопартийное управление ПСР? Турция под руководством Эрдогана выбрала второй путь, а в июле того же года, после трехлетнего перемирия, возобновились столкновения между турецким государством и РКК, причем, с особой жестокостью.

С целью нивелировать негативные итоги июньских выборов Эрдоган и его команда пошли на новые выборы и попытались использовать обострение Курдского вопроса в свою пользу, сыграв на националистических настроениях электората. Выборы 1 ноября 2015 года оказались удачными для ПСР, которая получила достаточно мест для формирования правительства. ДПН потеряла 1 млн. избирателей и 21 мандат, в сравнении с июньскими выборами, тем не менее, осталась третьей по численности политической силой в турецком парламенте, оставив позади партию «Националистическое движение», голоса которой, в том числе, после антикурдских шагов, отошли ПСР. В широком смысле, это был политический успех для курдов, хотя они и потеряли голоса в сравнении с июньскими выборами. А подобный успех вызывает обратную реакцию в турецком государстве, чувства самозащиты и самосохранения которого легко трансформируются в агрессию, нетерпимость и насилие. Правда, по итогам ноябрьских выборов Эрдоган достиг своей цели, но курдская угроза была опасной в перспективе, и нужен был удобный повод для ее нивелирования.

Петля вокруг ДПН должна была затянуться. Сначала на уровне заявлений, затем – законодательных инициатив, а уж после попытки переворота дело дошло до физической нейтрализации, которая и выразилась в упомянутых арестах. На этом фронте турецко-курдского противостояния пока, вроде, побеждает Эрдоган, но исход войны, мягко говоря, не предрешен. Эрдоган ведет дело к «курдскому перевороту», который, однако, пока не довершен.

Для курдов это национальный вопрос, для турок – государственный. Часть курдов выступает за независимый Курдистан, турки пытаются сохранить Турецкую республику. В ее нынешних границах.

АНАЛИТИКОН 11 (95) 11- 2016